

Культурный шок отменяется

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Обещания были похожи на угрозы. Закадровые голоса по двум «главным» каналам сразу после наступления «старого Нового года» соревновались в роковой многозначительности. К нам едет... На нас надвигается... Никакой режиссер не сравнится с тем масштабом мысли и страсти, художественного, нравственного и политического величия, что обещали публике. Нас готовили к шоку. Нас втолкнули в кресла и на диваны, обрушив два сериала.

Но мы выжили. Прежде всего потому, что инспирированная «война гигантов», то есть соревнование Первого канала и «России», на деле не случилась.

«Россия» из десяти запланированных сразу показала две серии экранизации А. Солженицына «В круге первом» в воскресенье, в понедельник шла уже третья серия. Правда, ее смотрели лишь те, кто накануне выжил после ритмически подчеркнута монотонных, разворотно-многозначительных и оказавшихся в нашем телевизионном быстростменяющемся эфире безумно длинными первых двух. Телевидение пошло на немислимую жертву, убрав из своего вещания рекламу, которая (упаси классик!) могла сквернить прокат фильма о науке в застенках, о выхолощенной любви, о невольных предательствах и никому не нужном риске.

Уровень многозначительности, казалось, уже нельзя было превзойти, и потому неожиданно зазвучал закадровый голос автора — Солженицына: он был не патетическим, совершенно спокойным (не забудем, человеку к девяносто годам), хотя оказался едва ли не темпераментнее, чем голоса относительно молодых актеров. Этот голос, да пропитанный мне цитата из шедшего параллельно «Золотого теленка», свидетельствовал о том, что автор взволнован. Актеру же велено было говорить тусклыми, с интонациями одинаковыми — что у министра Абакумова, что у математика Нержина.

Простенький эффект узна-

вания или неузнавания ведет за собой каждого зрителя при встрече со зримым воплощением хорошо известного текста (кстати, у меня есть сомнения в том, что текст Солженицына известен широкой публике так же хорошо, как текст Ильфа и Петрова). Но именно на этот эффект рассчитана любая телевизионная работа, где в основе — апробированный литературный текст. И мы начинаем до занудства подробно сравнивать.

Корейко в фильме бойкой У. Шилкиной, известной (либо неизвестной) нам по «Убойной силе», где были клишированные ситуации и раз и навсегда в маски заряженные персонажи, — это один из таких поводов для неузнавания. Где офицерские усы, спрашиваем мы авторов экранизации? Где серенький мышончок, непробиваемый миллионер, сколотивший богатство всего навсего на чужих промахах?

Играющий эту роль актер Девотченко считается одной из театральных звезд, но слишком остробобованных в кино. Белообрый неграмотник в застегнутом на все пуговицы кителько, соменяющий вдоль обшарпанных стоев своего городишка, возможно, он был задуман как пародия на наших современных российских миллионеров-функционалов. Но тогда и Бендер должен был быть ему под стать — без милицейской фуражки и шарфа, без лениво-командных интонаций. Но Бендером предполагался актер звездного уровня популярности, и потому умирающий от скуки, совершенно незащитный и вовсе не

склонный к феоэрическим импронациям Меньшиков огорчает не меньше, чем его антагонист. Где воздушная легкость Костика из «Покровских ворот», где стильность и таинственность его персонажей

щимся или даже просто ярко одаренным, я полагаю, что его Лоханкин — возможно, в силу пародийного сходства этого почти интеллигентного, с бородкой и пенсне, в полосатой пижаме существа с отцом ак-

но самого классика, к счастью, не было рядом с режиссером), Панфилов избрал способ работы, очевидно, продиктованный тем, что сам был избран автором для этой постановки. Немежный пиетет перед писате-

ставлю рядом двух актрис разных поколений, причем одну — великую, к тому же музу режиссера: обе жили в кадре словно со связанными руками. Они не хороши и не плохи, они тихи и послушны, но так и не дает телеэкран различить, то ли это женщины сорок девятого года так замордованы, то ли актрисы пришиблены авторитетом «живого классика». Зато узнаваемость подробностей быта, как и во многих нынешних ретросериалах, соблюдена.

Возвращаясь к телевизионной сетке вещания, хочу заметить тем, кто пугался наложения одного фильма на другой: то пресс-конференция президента задержала начало показа «Теленка», то интервью с другим президентом затянулось — так или иначе серии Солженицына успевали закончиться до начала серий Ильфа и Петрова. Думаю, многие поддали своей привычке испытывать пиетет к одним только именам авторов. Да, мы с детства помним, кто будет «командовать парадом», и видим перед собой шрам, белеющий на горле великого комбинатора; да, мы с юности или с более зрелого возраста, это уж кто в каком был, когда до нас долетели страницы романа о «шарашке», помним это ощущение безмерного ужаса от обнаженности и беззащитности человека, его мыслей и чувств перед лицом или безличьем то и дело дающей сбой государственной машины... Но для тех, кто готов был смотреть новые телеверсии ставших классикой литературных произведений без пиетета перед классиками, проблем не было.

Технически это было осуществимо. А вот эстетически и эмоционально вздох восхищения или ужаса, всплеск сопереживания или отвращения не случились. Неделя прошла без культурного шока. Не верится и в то, что завершение сериалов принесет неожиданный рывок.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
профессор ЯГПУ.

Кадр из фильма «Золотой теленок».

из «Утомленных солнцем» или «Статского советника»? Корейко и Бендер, сравнившиеся в своей пресной неузнаваемости, напоминают давнюю забаву курортных фотографов: стоит фанерный щит с изображением всадника на фоне горы, а в отверстие под папахой вставляется любая физиономия. И себя узнать потом будет приятно, и затрат на оформление кадра никаких.

Именно этими «головами» в фанерных прорезях выглядают большинство персонажей «Теленка», за исключением, пожалуй, одного и далеко не самого главного. Мне таким представляется вечно карикатурный со своими упреками в адрес «вольчицы грязной» Васисуалий Лоханкин. Воспе не считая Михаила Ефремова актером выдаю-

тера, О. Ефремовым, в некоторых его ролях — оказался таким уместным, таким обыденным, таким смешным и понастоящему узнаваемым.

Стремление к узнаваемости экранизации романа Солженицына тоже сыграло злую шутку с таким выдающимся, таким умным, таким порядочным в своей профессии режиссером, как Глеб Панфилов. Если девушке Шилкиной не удалось соперничество с великим фильмом М. Швейцера, где Бендера играл С. Юрский, то соперником Панфилова оказался... он сам. Имея блестящий опыт постановки фильмов по оригинальным сценариям (только горьковские «Васса» и «Мать» опирались на классику,

лем-эзком, ненарушение структуры его диалогов, для которых современное телевидение, да еще без специальной работы с кадром, монтажом, уже не предрасположено, сделали блестящего режиссера заложником архаичной формы телеповествования.

Хороши ли актеры? Да, хороши Е. Миронов, но только не здесь, где его снимали чуть ли не со спины, общим планом, а в шедшем параллельно по другому каналу и в утренние часы недавнем сериале «Идиот». Замечательный актер, чьи возможности не были реализованы и даже востребованы. Хороша ли И. Чурикова в небольшом эпизоде и Г. Тюнина в нескольких других? Недаром